

УДК: 811.581'28

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166

КАНТОНСКИЙ ДИАЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ

С.А. Баров¹, М.А. Егорова²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация, 125993

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

Статья посвящена проблеме сохранения кантонского диалекта (языка) в современном Китае, где на протяжении нескольких десятилетий правительством настойчиво проводится политика по распространению общегосударственного китайского языка («pǔtōnghuà» — путунхуа). Кантонский диалект является самым крупным по численности носителей среди всех китайских языков и родным для большинства жителей провинции Гуандун и Гонконга, тем не менее, в отличие от языков национальных меньшинств Китая, не защищен в полной мере законом и последовательно вытесняется из системы образования и из делового общения. В статье авторы внимательно анализируют лингвистическую историю Китая, роль диалектов в системе китайских языков и историко-политическое значение единой письменной нормы. По мнению авторов, разделение Китая на две большие культурно-исторические общности (северную и южную) соответствует сложившемуся языковому делению, однако в отличие от многих других стран мира, имеющиеся этноязыковые и этнокультурные различия между северными и южными китайцами благодаря многовековым объединяющим усилиям центрального правительства не приводят к разделению китайской нации.

В статье подробно рассматривается история кантонского языка, проводится лингвистический анализ отличий кантонского от путунхуа и на этом основании делается вывод, что кантонский стоит отнести скорее не к диалектам китайского, а к отдельному, хотя и близкородственному путунхуа, языку сино-тибетской языковой группы. Проанализировав роль кантонского диалекта в складывании особой культурно-исторической общности жителей провинции Гуандун и Гонконга, авторы приходят к выводу, что утрата кантонского диалекта/языка, которая должна произойти в течение нескольких следующих десятилетий, если языковая и образовательная политика китайского правительства не будет изменена, приведет к потери ими своей самобытности, составляющей часть нематериального культурного наследия всей китайской нации.

Ключевые слова: кантонский диалект/язык; провинция Гуандун и Гонконг; лингвистическая история Китая; политика распространения путунхуа; политика «билингвизма» и «трилингвизма»

ВВЕДЕНИЕ

Политическая и историческая традиции, а также китайская классическая философия заложили в менталитете китайского народа идею о том, что интересами отдельных людей следует пренебрегать ради «общего блага». В эту, веками складывавшуюся идеологическую концепцию, современные китайские власти уже на протяжении 70 лет (с момента образования КНР) пытаются внедрить и идею о том, что языками малых народов и различными диалектами надо пожертвовать ради развития общего китайского языка, несмотря на их лингвистическое и куль-

турное значение. Конечно, в самом Китае такой подход повсеместного и жесткого навязывания государственного языка (путунхуа) нравится далеко не всем, однако голоса недовольных не всегда бывают слышны. В основном все укладывается в рамки общественной дискуссии о том, как не дать исчезнуть сохранившимся до наших дней диалектам в условиях определенной государственной языковой политики, согласно которой детей с раннего возраста начинают обучать путунхуа и запрещают им говорить на родных языках или родных диалектах китайского языка уже в стенах детских садов и школ.

Диалекты, как и сам китайский язык, являются носителями региональной культуры Китая, именно они некогда послужили почвой для построения величественной в своей многоликости китайской цивилизации. Выйдя из народной среды, они являются отражением жизни и менталитета китайцев. По нашему мнению, языковое разнообразие, воплощенное в диалектах, их взаимодействие и даже своего рода конкуренция между ними являются неотъемлемой частью китайской культуры, признаком ее богатства и многогранности, поэтому защита диалектов означает одновременно и защиту китайской культуры, а значит и защиту всей китайской цивилизации.

Китайскую культуру можно условно разделить на два крупных образования: южную и северную, в свою очередь подразделяющихся на 56 локальных этно-национальных культур (по количеству национальных меньшинств). С этим делением фактически совпадает деление лингвистическое, согласно которому в стране выделяют семь основных крупнейших диалектных регионов (см.: [4]):

- 1) северная группа диалектов во главе с пекинским диалектом;
- 2) кантонская группа с основным диалектом этого региона — кантонским (гуанчжоуским) диалектом;
- 3) диалекты У (группа восточных диалектов — провинции Цзянсу и Чжэцзян с наиболее крупными городами: Сучжоу, Ханчжоу, Нинбо, Шанхай), где основными диалектами являются сучжоуский и шанхайский;
- 4) миннаньская группа диалектов во главе с доминирующим сямынским диалектом города Сямынь, близким тайваньскому и иначе называемым «амойский диалект» по бывшему названию Сямыня;
- 5) хунаньская группа, в которой основным является диалект города Чанша — столицы провинции Хунань;
- 6) группа диалектов хакка, в которой доминирует диалект города Мейчжоу;
- 7) группа диалектов провинции Цзянси и основной в этой группе — диалект города Наньчан (тут можно еще выделить диалекты «ичунь» и «цзиань», названные по городам своего распространения).

Каждый из этих крупных диалектов делится на множество более мелких (*fāngyán* 方言), а также и на местные говоры (*tǔyǔ* 土语). Однако наиболее распространенной по количеству носителей является группа северных диалектов, разделенная на северный и северо-западный мандарины, юго-западный мандарин и мандарин «цзянхуай» (*Jiānghuái* 江淮, то есть диалекты междуречья Янцзы и Хуайхэ). При этом термин *fāngyán* (方言) скорее подразумевает под собой не «диалект» в его западном понимании, а дословно «речь определенной местности», «местный говор».

Следует отметить, что применительно к Китаю даже на уровне терминологии в ее привычном понимании существует особая специфика, в частности, в данном случае в определении понятий «диалект» и «родной язык».

Термин «родной язык», понимаемый как «первый язык», то есть язык, усвоенный человеком с рождения, и так называемый «материнский язык» (mǔyǔ 母语 — букв. «материнский язык»), аналогично подразумевающий тот язык, который человек усваивает в детстве, и, как правило, представляющий собой стандартизованный вариант или диалектную форму языка определенной национальности, в Китае не всегда совпадают. В связи с существованием разветвленной диалектной системы в китайской социолингвистике часто наблюдается противопоставление термина «материнский язык» (mǔyǔ 母语) термину «материнский диалект» (mǔyán 母言, букв. «материнская речь»). Таким образом, функционально «первый язык» (dì yī yǔyán 第一语言) по ряду причин не всегда совпадает с «родным языком» (см.: [3]).

Если брать за основу рассмотрения функциональный подход, в котором основное внимание уделяется социальной роли лингвистического многообразия, то мы увидим, что «язык» имеет более широкие функции, чем «диалект»: он может быть средством общения между различными диалектными группами и более «развит» в том смысле, что в нем больший процент кодифицированного и стандартизированного «языка», а также, как правило, он обладает более «высоким авторитетом» среди жителей той или иной локации, чем «диалект». Этот подход отражает восприятие разницы между языком и диалектом со стороны многих нелингвистов при сравнении «простого говора» с нечетко определенным или неразвитым языком.

Случай китайских диалектов является исключительным, не позволяющим оценивать его, применяя функциональный подход. В рамках каждой крупной китайской диалектной группы, обычно есть один или два более престижных «наддиалекта», которые служат в качестве регионального общепринятого языка, например, такие, как кантонский среди диалектов Юэ, группа диалектов хакка, в котором доминирует диалект города Мейчжоу, миннаньская группа диалектов во главе с доминирующим сямынским диалектом города Сямынь, сучжоуский и шанхайский диалекты среди восточных диалектов У.

С одной стороны, это оправдывает рассмотрение основных диалектных групп как языков, с другой, существует один часто цитируемый лингвистический аргумент против оценки китайских диалектов как отдельных языков: наличие общего письменного китайского языка (zhōngwén 中文), которым пользуются все диалекты китайского без каких-либо существенных различий и, соответственно, практически полное отсутствие установленной письменной традиции у диалектов.

На протяжении веков императоры Китая предпринимали целенаправленные шаги по созданию общей письменной системы, которая была бы распространена в самом китайском государстве, а также на зависимых территориях (Кореи, Японии, Вьетнама и других), и тем самым объединяла весь «китайский мир». Вслед за политикой создания общей письменности начала закладываться и китайская литература, созданная на классическом китайском. Уже в период

династии Мин (1368—1644 гг.) была популярна народная литература, написанная на «байхуа» (báihuà 白话, букв. «простая, народная речь»), которая была официальным письменным языком, приближенным к диалекту мандарина.

Стоит отметить, что современный китайский язык является модернизированной версией байхуа. В связи с тем, что байхуа основан на диалектах северокитайского, а дистанция между северными диалектами и южными огромна, то стремление центральных властей распространять байхуа на территории всей страны встретило оппозицию на юге, где полагали, что говорящие на южных диалектах заслуживали раздельного письменного языка, основанного на их местных вариантах.

Кроме того, северная группа диалектов (севернокитайский язык, то есть основная диалектная группа китайского языка, объединяющая близкие друг к другу китайские диалекты, распространенные на большей части Северного и Западного Китая) не была единственной в развитии своего народного письменного языка в этот период. Другие основные диалекты, такие как диалектные группы Юэ и У, также популяризировали народные письменные языки, используемые в религиозных текстах, местных операх, народных песнях и даже в некоторой публикуемой литературе. Циркуляция этих народных письменных текстов помогла распространять базовую грамотность среди простых людей и способствовала развитию и стандартизации народных письменных языков.

Политические волнения и стремление к промышленной модернизации на рубеже XX века привели Китай к масштабной языковой реформе. Великолепный классический китайский стал ассоциироваться в умах китайских революционеров с отсталостью, а диалектное разнообразие рассматривалось как помеха для сильного и модернизированного китайского государства, способного противостоять альянсу западных империалистов и милитаристской Японии. В качестве нового письменного стандарта был выбран основанный на северных диалектах народный письменный язык байхуа. Народная литература во времена империи существовала, в основном, в фокусе популярной культуры и не могла сравниться с блистательными образцами на классическом китайском. Такие его реформаторы, как Ху Ши, стремились повысить статус нового письменного языка, переписав историю китайской литературы, так что литература на байхуа была представлена как новаторская, а не «вульгарная», как считалось ранее (см.: [14]). По сути, престиж новых письменных стандартов исходил не столько от уважаемой литературной традиции, сколько от назначенной ее роли в модернизации или даже «спасении» нации (см.: [5]).

Другими словами, во время языковой реформы начала XX века простонародный письменный язык, основанный на северокитайском диалекте, был выбран в качестве прототипа письменного стандартизированного китайского (путунхуа) и строго продвигался, а местные письменные формы других китайских диалектов постепенно становились маргинальными или же угасали вовсе. Однако позиции некоторых из них оставались достаточно сильными, несмотря на давление путунхуа, и некоторые региональные диалекты даже сумели установить свои традиции письменности.

Унификация и стандартизация китайской письменности, впервые предпринятые более 2 тыс. лет назад, со временем стали означать символическую ханьскую этническую идентичность и культурное единство китайского народа. С тех пор китайский язык известен как ханьский язык. Хотя взаимосвязь между китайскими диалектами столь же сложна, как и те связи, что соединяют целую семью языков, например, романских или славянских, тем не менее, большинство китайцев неизменно считает, что они принадлежат единой нации, а не составляют семью разных народов (см.: [12]).

В чем же заключается важность и ценность диалектов? Диалект — это не просто доступный с детства и понятный инструмент общения, познания и взаимодействия с внешним миром. Обладая и этим безусловным значением, он, в отличие от государственных языков, в большей мере является носителем региональной культуры, что фактически приравнивает защиту диалектов к защите культурных ценностей их носителей.

По мнению многих экспертов, применительно к Китаю эту проблему следует рассматривать в контексте защиты всей китайской цивилизации, поскольку в условиях отсутствия у Китая объединяющего религиозного начала, какое есть, например, у европейцев или среди арабов, именно культура для китайцев становится неким общим источником их исторической уникальности. По мнению известного ученого-синолога О. Завьялова, именно «„изысканный язык“» (уǎуǎн 雅言, то есть нормативный язык в противопоставлении диалектам) является подлинным носителем китайской цивилизации, а «классические тексты должны войти в жизнь каждого человека», — под этим лозунгом начиная с 2007 г. возобновляется обычай декламировать канонические тексты, которые древние китайцы считали написанными на «изысканном языке». Драгоценным нематериальным культурным наследием стали считаться также любые другие письменные памятники, варианты иероглифов и даже некоторые устные формы китайского. Все они подлежат изучению и сохранению, в том числе — если речь идет о современных диалектах — в звуковой форме на электронных носителях. Исполняющаяся на кантонском диалекте опера 越剧 (yuèjù) и музыкальное представление 南音 (nányīn) на южнофуцзяньских диалектах включены не только в общегосударственный список нематериального культурного наследия КНР, но также и в состав мирового культурного наследия ЮНЕСКО (см.: [2]).

Впрочем, существует противоречие между защитой китайских диалектов, право на использование и изучение которых прописано в Конституции КНР (см.: [16]), и государственной политикой популяризации путунхуа. Правительство Китая пытается насаждать в обществе мнение, что «диалекты» фактически являются синонимом «деревенщины» (tǔ 土) и низкого социального и образовательного уровня их носителей в противопоставлении официальному языку (guānhuà 官话), некогда бывшего доступным лишь самым образованным слоям населения: чиновникам, ученым и пр. (см.: [6]) В последние годы центральные власти активно распространяют лозунг «говорите на путунхуа, используйте стандартизированные иероглифы и будете культурным человеком» (shuō pǔtōnghuà, yòng guānfān zì, zuò

wénmíng rén “说普通话、用规范字、做文明人”), повсеместно трактующийся в том смысле, что те, кто не используют в повседневной жизни путунхуа, автоматически становятся некультурными и необразованными людьми, настоящими маргиналами (см.: [13]).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАНТОНСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Кантонский диалект — это, пожалуй, самый привлекающий внимание исследователей китайский диалект, имеющий наибольшее влияние среди всех прочих диалектов китайского, как внутри Китая, так и за его пределами, что обуславливается рядом исторических, социальных и лингвистических особенностей. На кантонском диалекте не только говорят многочисленные иммигранты из Гуанчжоу, проживающие в разных странах мира, но он также имеет тенденцию замещать соседние диалекты и продвигаться севернее, в глубь страны. Огромная кантонская диаспора за рубежом, а также экономическая мощь провинции Гуандун (лидирующий по экономическим показателям регион Китая с середины 1980-х годов) являются заметными факторами, способствующими развитию и укреплению кантонского диалекта. Кроме того, повышению его статуса содействуют обширные исторические, географические и культурные связи с Гонконгом.

Кантонский, как и многие другие южно-китайские языки, фонологически ближе к среднекитайскому, чем северокитайский путунхуа, что еще больше усиливает спор многих лингвистов относительно того, является ли кантонский отдельным языком или же только диалектом китайского. Очевиден лишь факт, что кантонский отличается от путунхуа практически так же, как любые два романских языка отличаются друг от друга.

Употребление термина «диалект» применительно к кантонскому может передать ложное впечатление о том, что кантонский более тесно связан с мандарином, чем это есть на самом деле, и это одна из причин, по которой некоторые ученые-лингвисты утверждают, что кантонский диалект должен рассматриваться как отдельный язык внутри сино-тибетской языковой семьи. Например, в статье 1990 года Ли Цзиньчжун явно отвергает термин «диалект», утверждая, что кантонский должен рассматриваться как независимый язык (см.: [10]). Сторонники этой точки зрения указывают, что хотя разговорный кантонский и мандаринский происходят от одного и того же предка и, следовательно, имеют много общего в грамматике и лексике, тем не менее их отличия в произношении столь велики, что они становятся практически взаимонепонимаемыми на слух их носителями (по сути, кантонский и мандаринский не ближе друг к другу, чем русский и украинский, испанский и итальянский, не говоря уже об испанском и португальском). Противоположная же аргументация основывается скорее на социолингвистических основаниях, чем на чисто лингвистических, и потому, особенно в западной лингвистике, подвергается большой критике как не вполне научная.

Общеизвестно, что часто при определении того, что является «языком», а что «диалектом», политические и культурные факторы имеют большее значение,

нежели мнение лингвистов. Языковые разновидности, которые являются автономными и доминирующими, классифицируются как «языки», тогда как разновидности, являющиеся «гетерогенными», то есть ориентирующимися на стандартный или доминирующий язык в определении собственной нормативности, классифицируются как «диалекты». Основная причина, по которой кантонский диалект считается диалектом, а не отдельным языком, связана больше с политическими факторами, нежели с наличием единого письменного языка. Как гласит распространённый афоризм, приписываемый американскому лингвисту Максу Вайнрайху: «язык — это диалект, у которого есть армия и флот». В Китае таковым является диалект пекинский, получивший на определенном историческом этапе необходимую политическую поддержку властей.

Впрочем, следует отметить, что подобное положение вещей вовсе не является уникальным, реликтовым для современного мира и наблюдается во многих его частях, например, на острове Кипр сложилась абсолютно аналогичная ситуация между кипрским диалектом и греческим языком. По нашему мнению, заострение темы ущемления прав кантонского языка или диалекта в Китае, предпринимаемая западными лингвистами, имеет скорее политические, а не научные цели.

Название «кантонский» должно означать две языковые сущности. В более широком смысле это означает группу Юэ (гуандунский, кантонский, юэский, паква) или группу кантонских диалектов, на которых говорят в провинциях Гуандун и Гуанси вдоль береговой линии Южного Китая. Кантонский также служит названием, используемым для описания любого из диалектов Юэ, он же и родной язык подавляющего большинства жителей Гонконга. Хотя путунхуа является официальным стандартным разговорным языком Китая, кантонский язык используется как «lingua franca» во всех вышеперечисленных южных районах, а также во многих зарубежных китайских диаспорах.

Более того, у кантонского даже была возможность стать государственным языком Китая. Существуют свидетельства, что лидер Китайской Республики Сунь Ятсен в связи с переносом столицы в южный Нанкин, подальше от японской «сферы влияния», простиравшейся на всю Манчжурию и частично на северный Китай, предложил сделать кантонский язык государственным (см.: [11]). Однако в ходе последующих событий Второй мировой войны и развернувшейся после нее на территории Китая войны гражданской это предложение так и не было реализовано. Приход к власти коммунистов, ориентировавшихся на Советский Союз, сподвигло китайские власти в целях безопасности перенести столицу обратно на север, в Пекин.

Политика возвышения «севера» по отношению к «югу» привела к появлению лозунга «заставить Юг следовать Северу» (強南就北). После образования КНР для кантонского языка начались сложные времена, продлившиеся вплоть до смерти вождя китайской революции Мао Цзедун, подобно многим диктаторам не терпевшего культурного регионализма и видевшего свою историческую миссию в объединении «всего Китая», причем не столько под стягом социализма, сколько под знаменами единой ханьской нации (Мао Цзедун копировал советскую эконо-

мическую модель и сталинский административно-политический подход, но совсем не советскую политику в сфере культуры, опиравшуюся на незыблемый авторитет интернационалистических ленинских установлений).

После 80-х годов, отмеченных пересмотром итогов «культурной революции», относительной политической либерализацией Дэн Сяопина, более лояльного к вопросам культурного самоопределения, нежели его предшественник, и, главное, быстрым экономическим ростом южных провинций, кантонский язык стал возрождаться, а многие кантонцы даже стали считать его использование показателем «принадлежности» к богатому югу в противовес бедному, «социалистическому» северу (см.: [15]).

КАНТОНСКИЙ ЯЗЫК КАК НОСИТЕЛЬ ОСОБОЙ ИДЕОЛОГИИ, МЕНТАЛИТЕТА И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН

После «реформы открытости» (1980—1990 гг.) кантонский диалект создал совершенно новый пласт современной популярной китайской культуры и вошел в моду даже в континентальном Китае, не только благодаря тому, что на нем говорили в «прозападном» Гонконге и в Гуандуне, раньше других китайских провинций начавших успешные экономические реформы, но и из-за того, что вследствие повышения образованности широких слоев китайского населения и бурного развития современных средств массовой информации, таких как телевидение и Интернет, кантонский стал восприниматься в остальном Китае как язык уникальный по своей музыкальности и особой мягкой мелодичности, как и большей исторической близости древнекитайскому (в противовес испорченному набегам варваров путунхуа).

Добавок к этому в Гонконге уже длительное время процветала поп-культура, что моментально сделало многих гонконгских певцов и актеров, ведших «притягательный» для «наивного» населения материковой части страны образ жизни, необычайно популярными. После открытия Китая большинство гонконгских деятелей культуры стремительно потянулись на материк осваивать новый гигантский рынок, а кантонская песня, кино и телешоу не только завоевали огромную популярность, но и вывели кантонский диалект на уровень наиболее влиятельного не только в самом Китае, но и везде, где проживают этнические китайцы.

Однако и представители кантонской культуры, желая работать по всему Китаю, не могли не попасть под политику по распространению путунхуа. Для своего продвижения в материковом шоу-бизнесе и развития в сферах популярной масс-культуры им приходится учить официальный язык и избавляться от своих диалектов, что помогает избегать принятого в Китае для таких деятелей голового дублирования и способствует попаданию в наиболее популярные программы на центральных каналах и таким образом дает возможность продвижения на необъятный китайский рынок.

Для многих это становится плохопреодолимой проблемой из-за невозможности искоренения особой мелодики голоса. Добавляя ему очарования и мело-

личности, специфика кантонского произношения навсегда ассоциирует своих носителей с регионом их происхождения, а значит автоматически препятствует выходу на всекитайский уровень. Остроту этому вопросу добавляет сильнейшая конкуренция в этой сфере, ведь в Китае люди шоу-бизнеса обычно совмещают сразу несколько направлений в искусстве: пение, различную музыкальную деятельность, актерство, работу в рекламе и на разных шоу и т.п. По влиянием китайских властей мода на кантонский язык постепенно сменяется модой на правильный путунхуа, оставляя кантонскому место лишь в некоторых областях сценического искусства, там, где это оправдано содержанием и законами жанра, например, в постановках традиционного жанрового китайского комедийного представления «сяншэн» (xiàngsheng 相声), где во всей красе можно передать всю специфику и оттенки общения на местных кантонских говорах.

Однако не стоит думать, что кантонский совершенно потерял влияние, уступая место распространяющемуся путунхуа. Ярким примером этому служит популярность так называемого «кантонского сленга» («moh lei tau»), зародившегося в Гонконге и используемого в районах, где распространен кантонский. По мере расширения связей между Гонконгом и материковым Китаем кантонский сленг постепенно стал проникать в провинцию Гуандун, где был приспособлен и под другие китайские диалекты.

«Mo lei tau» происходит от кантонской фразы «mo lei tau gau» (無厘頭尻), которая буквально означает «не может различать голову и хвост», но чаще всего переводится как «исходящее из ниоткуда» или, проще говоря, «не имеет смысла». Этот термин описывает волну низкопробных, анархических и абсурдных фильмов, которые сатирически высмеивают современное китайское общество. Юмор в виде фарса занимает центральное место в данном жанре, а наиболее примечательным является яркая словесная игра и ее креативное использование для подчеркивания различных тенденций общественной жизни, что является уникальным явлением для китайского общества в целом.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАНТОНСКОГО ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Южные провинции Китая оказались в сфере влияния китайских императоров с 214 г. до н. э., когда эти территории вошли в состав империи под властью Цинь Шихуана. В конце 19-го века после периода «опиумных войн» Китай был поделен на сферы влияния между западными державами, а город Гонконг был арендован Великобританией и являлся одной из ее колоний на протяжении 100 лет.

Кантонский диалект — наиболее распространенный язык в Гонконге. В течение большей части британской колониальной эпохи единственным официальным языком был английский, а китайский язык стал таковым только в 1974 году, когда государственный указ «О языке» уравнивал использование обоих языков (английского и китайского) на государственном уровне (см.: [8]). Под «китайским» понимался современный стандарт китайского языка в его письменной форме и кантон-

ский как устная форма в контексте Гонконга, при этом не было никакого конкретного упоминания о юридической позиции кантонского диалекта.

После передачи Гонконга обратно Китаю в 1997 году правительством Гонконга была задумана и реализована языковая политика «билингвизма и трилингвизма». «Билингвизм» подразумевает письменный китайский и английский языки, тогда как «трилингвизм» — кантонский, английский и путунхуа. Примечательно, что политика Гонконга была направлена на «билингвизм», а не «трилингвизм». Термин «билингвизм» не различает отдельные формы письменного китайского языка (например, традиционные и упрощенные символы, кантонскую лексику и синтаксис). Впервые в истории Китая именно на территории Гонконга был официально закреплён юридический статус кантонского языка. Следовательно, не будет преувеличением рассматривать кантонский язык как основной язык в Гонконге.

Если сравнивать языковую ситуацию в провинции Гуандун с Гонконгом, то обладая определенной степенью автономности, в том числе и в языковом плане, у Гонконга на сегодняшний день больше шансов в отстаивании прав кантонского языка. Однако даже в столице провинции Гуандун, городе Гуанчжоу проходят регулярные акции в защиту вытесняемого провинциальными властями кантонского языка (см.: [17]).

Некоторые наблюдатели считают, что можно говорить о том, что это «кантонское» движение в провинции Гуандун инициирует и поощряет подобные акции и в других провинциях Китая, особенно там, где проживают этнические меньшинства, как, например, в ТАР (Тибетский автономный район), где в последние годы появилось неофициальное движение в защиту «тибетского языка». По их мнению, общее между ними состоит в том, что люди и там, и там борются за свои равные языковые права. Они сталкиваются с одной и той же проблемой: из-за усиления путунхуа кантонский и тибетский языки находятся под угрозой деградации и исчезновения (см.: [9]).

Однако кантонский, в отличие, например, от тибетского, официально считается не отдельным языком, а одним из крупнейших китайских диалектов, с которым его роднят общие иероглифика и грамматика, а различаются они только в плане произношения. К тому же носители кантонского языка в целом признают свою общую с ханьцами национальную идентичность, поэтому борьба за права кантонского языка вряд ли может привести к национальному конфликту.

Многие лингвисты все больше выражают озабоченность по поводу долгосрочного выживания или автономии кантонского диалекта, приводя в пример северные области провинции Гуандун, где традиционная кантонская устойчивость к путунхуа ослабевает и где лингвистический баланс, кажется, медленно, но неуклонно переходит от кантонского к новому разговорному стандарту. Эта тенденция также отмечается и в среде китайских иммигрантов. Страх перед языковым сдвигом понятен, учитывая, что цель центрального китайского правительства неизменно на протяжении 70 лет заключается в том, чтобы путунхуа заменил все прочие диалекты китайского (см.: [1]).

Вместе с тем из-за привлекательности развития экономических связей с Гуанчжоу, Шэньчжэнем и Гонконгом китайцы из других регионов изучают кантонский диалект с целью иметь возможность переехать туда работать. Данная тенденция аналогична и для многих китайцев в Гонконге, изучающих путунхуа с целью большей доступности для них получения работы в провинциях к северу от Гуандун. Осознание с обеих сторон, что билингвизм является не потерей идентичности, а дает новые возможности и служит необходимым базисом культурного обмена, облегчает кросс-языковые контакты и распространение обоих языков в южных провинциях, крайне важно с точки зрения формирования в Китае поликультурного общества.

Иммиграционный контроль между Гонконгом и Гуандун в последние годы значительно ослаблен. Это привело к росту неофициальных контактов между жителями провинции Гуандун и жителями Гонконга. Более тесное взаимодействие между Гонконгом и Гуандун представляется неизбежным в ближайшие годы, и это может означать постепенное появление мощного «кантонского лингвистического блока». Обладая сходными интересами, Гонконг и Гуандун могли бы объединиться, чтобы усилить влияние на принятие правительством Китая таких решений в языковых вопросах, которые бы гарантировали выживание кантонского диалекта. Взаимная поддержка могла бы способствовать укреплению языковой автономии Кантона и сохранению его уникальной культурно-исторической идентичности.

ВЫВОДЫ

Кантонский диалект является крупнейшим среди всех диалектов китайского языка, и его отличие от путунхуа столь сильно, что позволяет говорить о том, что он является отдельным языком сино-тибетской языковой группы, тем не менее, в силу ряда исторических причин и определенной политической линии китайского руководства, он не получил в Китае статуса официального языка.

Несмотря на социалистический уклад китайского государства, в современном Китае права даже официально признанных этнических меньшинств не соблюдаются в полной мере, тем более не может быть и речи о поддержке некоторых народообразующих устремлений тех этнических групп, которые находятся в близком культурном и языковом родстве с ханьцами-северянами. Китайское руководство не стремится по образцу Советской России (советской национальной политики в отношении единого русского народа) создавать из единого китайского народа множество отдельных народов, поскольку именно в ленинской национальной политике китайские руководители видят причину гибели Советского Союза.

Данная идеологическая установка, установка на унификацию китайской нации, пронизывает все области государственной политики в сфере культуры и образования.

По нашему мнению, такая политика больше вредит делу просвещения, поскольку лишь в культурном разнообразии можно обрести подлинное единство народов. В отличие от многих западных стран, где сохранение всяческого разнообра-

разия (даже несуществующего) стало культом и порой приобретает абсурдные формы, Китай, где усилиями Коммунистической партии отстаиваются идеи просвещения и культурного прогресса, казалось бы, призван проводить образцовую национальную, культурную и языковую политику, но этого не происходит.

Сложность определения лингвистической принадлежности кантонского диалекта не может быть никак связана с вопросом необходимости его сохранения. Китайским властям следует рассмотреть положительный пример языковой политики гонконгской администрации, не только для того, чтобы упредить потенциальный рост националистических настроений среди части населения провинции Гуандун, но больше для достижения исторической правды, обладание которой, в конечном счете, всегда означает и обладание превосходством, правом на будущее мироустройство, мироустройство в мире, который с каждым столетием, десятилетием, а в современную эпоху уже и годом становится все более близким, настоящей «ойкуменой», в подлинном смысле этого древнего греческого слова. В этом смысле борьба за или против сохранения различных диалектов или языков национальных меньшинств — это больше не вопрос национального выживания, Китай давно прошел этот этап, но скорее вопрос идейной борьбы за будущее человечества, которую неизменно придется вести Китаю как новой мировой державе и которая всегда оказывается решающей, и пример Советского Союза здесь должен быть не менее показателен.

© Баров С.А., Егорова М.А.
Дата поступления: 16.10.2018
Дата приема в печать: 15.01.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Егорова М.А.* Политика Китая в области распространения государственного языка путунхуа // *Языковая политика в условиях глобализации* / под ред. Г.О. Лукьяновой. М.: РУДН, 2017. С. 70—75.
2. *Завьялова О.И.* Языковая ситуация и языковая политика в КНР, 2010, [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf (дата обращения: 15.10.18).
3. *Каплунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017.
4. Регионы Китая / *Russian. China. Org.* Сп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/province-new/node_2188967.htm (дата обращения: 15.10.18).
5. *Barnes D.* Nationalism and the Mandarin movement: the first half-century. In R.L. Cooper (Ed.), *Language spread: Studies in diffusion and social change*. Bloomington: Indiana Press, 1982.
6. *Barov S.A., Egorova M.A., Medvedev Y.S.* Educational programs of the Chinese government to popularize Chinese science, culture and language abroad // *INTED2018, Valencia, 5—7 of March 2018*.
7. *Bruche-Schulz G.* Fuzzy' Chinese: The status of Cantonese in Hong Kong // *Journal of Pragmatics* 27, 1997, Режим доступа: http://www.academia.edu/4018338/Fuzzy_Chinese_The_status_of_Cantonese_in_Hong_Kong.
8. Fǎding yǔwén tiáoli, Dì 5 zhāng, dì 3 tiáo, Fǎding yǔwén yǔqí dìwèi yǔ yìngyòng (Указ о языке (Глава 5, пункт 3, Официальные языки, их статус и применение). URL: <http://www.hkllii.hk/chi/hk/legis/ord/5/s3.html> (дата обращения: 15.10.18).

9. *Mò Lì. Chēng Zàngyǔ-Háizimen fāqǐ de wénhuà zìjiù/ kàn bùjiàn de Xīzàng*, 2010. Режим доступа: http://woeser.middle-way.net/2010/12/blog-post_16.html (дата обращения: 15.10.18).
10. *Lǐ Jīngzhōng. Yuèyǔ shì hànǔ zúqún zhōng de dúlǐ yǔyán // Yǔyán yǎnbiàn lùn*, Guǎngzhōu, 1994. P. 79—115.
11. *Lǐ Q. Yuèyǔ Cha yì piao” cheng “guoyǔ” bu kao pu / xiānggǎng zhōngguó tōngxùnshè*, 2011. Режим доступа: <http://www.hkcna.hk/content/2011/1009/115868.shtml> (дата обращения: 15.10.18).
12. *Liang S. Language Attitudes and Identities in Multilingual China / Springer International Publishing Switzerland*, 2015. Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783319126180> (дата обращения: 15.10.18).
13. *Luō Fùhé. Méití fēnbùqīng “hànyǔ” hé “pǔtōnghuà” yǐngxiǎng mínzú tuánjié / Fènghuáng wǎng zīxùn*, 2017, Режим доступа: http://news.ifeng.com/a/20170302/50748562_0.shtml (дата обращения: 15.10.18).
14. *Snow Don. Hong Kong and modern diglossia // International Journal of the Sociology of Language*. 2010. P. 155—179.
15. *Wong C. Hong Kong and China: The Language Barrier / The Diplomat* от 18.08.2016. Режим доступа: <http://thediplomat.com/2016/08/hong-kong-and-china-the-language-barrier/> (дата обращения: 15.10.18).
16. *Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó xiànfǎ (quánwén) / Rénmín wǎng* (Конституция КНР, полный текст). Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/shehui/1060/2391834.html> (дата обращения: 15.10.18).
17. УВС *yǔyán xuéjiā pēngjǐ Zhōngguó zhèngfǔ guǎnzhì yuèyǔ bīnwēi*. Режим доступа: <http://m.bcby.com/news/2015/05/01/328752.html> (дата обращения: 15.10.18).

УДК: 811.581'28

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166

CANTONESE DIALECT IN MODERN CHINA: THE PROBLEM OF CONSERVATION

Sergey A. Barov¹, Maia A. Egorova²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prospekt, 49, Moscow, Russia, 125993

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the problem of preserving the Cantonese dialect (language) in modern China, where for several decades the government persistently pursued a policy of disseminating of the nation-wide Chinese language (“pǔtōnghuà”). Cantonese is the largest language by speakers among all Chinese languages and it is native to most residents of Guangdong and Hong Kong, however, unlike the languages of the national minorities of China, it is not fully protected by law and is consistently ousted from the education system and out of business communication. In the article the authors carefully analyze the linguistic history of China, the role of dialects in the system of Chinese languages and the historical and political significance of a single written norm. According to the authors, the division of China into two large cultural and historical communities (northern and southern) corresponds to the established linguistic division, but unlike many other countries in the world, the ethnolinguistic and ethnocultural differences between the northern and southern Chinese due to the centuries-old unifying efforts of the central government do not lead to the division of the Chinese nation.

The article examines in detail the history of Cantonese, a linguistic analysis of the differences between Cantonese and Putonghua, and on this basis concludes that Cantonese should be considered not as a dialect of Chinese, but rather as a separate language of the Sino-Tibetan language group, albeit closely related to the Chinese language. Analyzing the role of Cantonese in the formation of a special cultural and historical community in Guangdong and Hong Kong, the authors conclude that the declining of the Cantonese dialect (language) will probably occur over the next several decades, unless the language and education policies of the Chinese government are changed. Otherwise this tendency will lead to the loss of the province's identity, which is part of the intangible cultural heritage of the entire Chinese nation.

Key words: Cantonese; Guangdong and Hong Kong; the linguistic history of China; the policy of spreading Putonghua; the policy of “bilingualism” and “trilingualism”

REFERENCES

1. Egorova, M.A. (2017). China's policy in the spread of the state language Putonghua In *Language Policy in the Context of Globalization*, G.O. Lukyanova (Ed.). Moscow: RUDN University. pp. 70—75. (In Russ.).
2. Zavyalova, O.I. (2010). Language situation and language policy in the PRC [Electronic resource]. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf (accessed: 15.10.18). (In Russ.).
3. Kaplunova, M.Ya. (2017). Language policy and functional development of languages in the PRC [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
4. Regions of China, Russian. China Org. Cn. [Electronic resource]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/province-new/node_2188967.htm (accessed: 15.10.18).
5. Barnes, D. (1982). Nationalism and the Mandarin movement: the first half-century. In *Language spread: Studies in diffusion and social change*, R.L. Cooper (Ed.). Bloomington: Indiana Press.
6. Barov, S.A., Egorova, M.A. & Medvedev, Y.S. Educational programs of the Chinese government to popularize Chinese science, culture and language abroad In *INTED2018, Valencia, 05—07 of March 2018*.
7. Bruce-Schulz, G. (1997). Fuzzy' Chinese: The status of Cantonese in Hong Kong. *Journal of Pragmatics*, 27 URL: http://www.academia.edu/4018338/Fuzzy_Chinese_The_status_of_Cantonese_in_Hong_Kong (accessed: 15.10.18).
8. Fǎding yǔwén tiáoli, Dì 5 zhāng, dì 3 tiáo, Fǎding yǔwén yǔqí diwèi yǔ yìngyòng (Language Ordinance (Chapter 5, point 3, Official languages, their status and application). URL: <http://www.hkllii.hk/chi/hk/legis/ord/5/s3.html> (accessed: 10.15.18).
9. Mò, Lì (2010). Chēng Zàngyǔ-Háizimen fāqǐ de wénhuà zìjìu / kàn bùjiàn de Xīzàng. URL: http://woeser.middle-way.net/2010/12/blog-post_16.html (access date: 15.10.18).
10. Lǐ, Jìngzhōng (1994). Yuèyǔ shì hànyǔ zúqún zhōng de dúlì yǔyán In *Yǔyán yǎnbiàn lùn, Guǎngzhōu*, 79—115. 11. Lǐ, Q. (2011). Yueyu Cha yi piao "cheng" guoyu "bu kao pu / xiānggǎng zhōngguó tōngxùnshè. Access mode: <http://www.hkna.hk/content/2011/1009/115868.shtml> (accessed: 10.15.18).
12. Liang, S. (2015). Language Attitudes and Identities in Multilingual China In *Springer International Publishing Switzerland* URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783319126180> (accessed: 15.10.18).
13. Luō, Fùhé (2017). Méití fēnbùqīng “hànyǔ” hé “pǔtōnghuà” yǐngxiǎng mínzú tuánjié In *Fènghuáng wǎng zīxùn*, URL: http://news.ifeng.com/a/20170302/50748562_0.shtml (accessed: 15.10.18).
14. Snow, Don (2010). Hong Kong and modern diglossia. *International Journal of the Sociology of Language*, 155—179.
15. Wong, C. (2016). Hong Kong and China: The Language Barrier In *The Diplomat of 18.08.2016*. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/hong-kong-and-china-the-language-barrier/> (accessed: 15.10.18).

16. Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó xiànfǎ (quánwén) / Rénmín wǎng (Constitution of the PRC, full text) URL: <http://www.people.com.cn/GB/shehui/1060/2391834.html> (accessed: 15.10.18).
17. UBC yǔyán xuéjiā pēngjī Zhōngguó zhèngfǔ guǎnzhi yuèyǔ bīnwēi URL: <http://m.bcbay.com/news/2015/05/01/328752.html> (accessed: 15.10.18).

Для цитирования:

Баров С.А., Егорова М.А. Кантонский диалект в современном Китае: проблема сохранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 152—166. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166.

For citation:

Barov S.A., Egorova M.A. (2019). Cantonese dialect in modern China: the problem of conservation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 152—166. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166.

Сведения об авторе:

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; *научные интересы*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: barov1986@mail.ru

Егорова Майя Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: сравнительное языкознание; *e-mail*: egorova_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Sergey A. Barov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation; *scientific interests*: contrastive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: barov1986@mail.ru

Maia A. Egorova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR; *scientific interests*: comparative linguistics; *e-mail*: egorova_ma@pfur.ru